

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

А.Л. Андреев. От азбуки до университета: образование на Руси и в России до конца эпохи Просвещения. – М.: НИЯУ МИФИ, 2014. – 460 с.

И.И. АШМАРИН

Монография А.Л. Андреева посвящена исследованию особенностей культурно-исторического развития России в контексте становления ее института просвещения и образования – именно «от азбуки до университета». Конкретный исследовательский жанр книги определить практически невозможно, поскольку он имеет отчетливо выраженный современный междисциплинарный комплексный характер. Здесь присутствуют социологический и культурологический подходы, экскурсы в области собственно истории и философской антропологии. Это определило для автора весьма широкое поле исследований, не пересеченное какими-либо узкопрофессиональными внутренними границами. Именно это, пожалуй, можно считать едва ли не главным методологическим достоинством книги А.Л. Андреева.

Монография состоит из Предисловия, семи глав:

1. У истоков традиции»
2. Образование в контексте социально-исторических альтернатив «Бунташного века»
3. Аз есмь в чину учимых
4. «Просвещение Петрово» после Петра
5. Под скипетром «Веселой Елисавет»
6. «Новая порода людей»
7. От азбуки до университета и Заключения.

Здесь сразу хотелось бы отметить несколько, на первый взгляд, формальных фактов. Список использованной литературы содержит около 250 наименований, а указатель имен – более 500 исторических личностей. Это, безусловно, говорит как об эрудиции автора, так и о глубоком его проникновении в предмет исследований. Отмечу еще один «формальный», но благоприятный для читателя факт – предметный указатель включает в себя около 500 терминов, объектов и наименований. Громадный труд, затраченный автором на составление этих списков, окупается сторицей – с книгой удобно работать.

Но перейдем к анализу самих результатов исследований автора. Уже в первой главе – «У истоков традиции» – автор выступает с собственными

воззрениями на период X – XII вв., который, как известно, отличается крайней скудостью письменных источников. Но здесь автору удается с помощью некоторых логических сопоставлений подвергнуть сомнению распространенный среди некоторых историков вывод о том, «что духовная традиция, которую Русь получила из рук византийцев, была с самого начала проникнута антиинтеллектуализмом и в дальнейшем развивалась именно в этом ключе» (с. 12). И далее автор показывает, что при сопоставлении с конкретными фактами обнаруживается умозрительность и даже натянутость такого вывода.

Довольно остроумным видится предложенный автором метод компенсации недостатка историколингвистической базы по образованию на Руси того времени. Приведем цитату из самой книги. «Если состояние объекта исследования недостаточно проясняется из имеющихся прямых его описаний, то можно использовать иной метод – а именно попытаться определить его функциональные свойства, опираясь на изучение тех «следов», которые оно оставило в социуме. Полагаем, что такой подход имеет всеобщее значение для решения целого класса исследовательских задач, предполагающих реконструкцию и осмысление тех или иных социально-исторических явлений в случае существенной неполноты их описания. А именно к таким явлениям, как мы уже видели, и принадлежит русское образование – по крайней мере, вплоть до первых Романовых» (с. 17).

И далее автор анализирует такие «следы». Это, например, самая древняя из известных на сегодня науке славянских книг – так называемая Новгородская псалтырь, отнесенная к концу X в. или к самому началу XI в. Анализ ее содержания, особенности орфографии и даже хорошо выработанный почерк убеждают автора в том, что неизвестный нам писец был не заезжим миссионером (например, болгарин или серб), а именно русским. То есть автор показывает, что уже через 10 – 20 лет после принятия христианства на Руси находились люди, хорошо владеющие навыками книжного письма, что требовало серьезного по тем временам обучения. Также автор анализирует и хорошо уже известные берестяные грамоты. И вот по таким «следам» автор убеждает читателя засомневаться в справедливости устоявшихся (особенно в официальной советской историографии) клише о Руси как стране косности и невежества. Мало того, автор делает вывод, что «начиная с XI – XII вв. на Руси нарождается новый социальный тип, а именно тип образованного книжника-интеллектуала. Как и на Западе, в эту эпоху он представлен преимущественно духовенством. Но к нему же с полным основанием можно отнести и определенную часть феодальных верхов. В первую очередь, это князья и члены их семей (включая женщин), а в Новгороде – некоторые посадники» (с. 24 – 25). Вывод, достойный внимания.

Не останавливаясь на описании и анализе автором периода XIII – XIV вв., когда наблюдалось заметное отставание России по уровню образования от Европы, где появляются первые университеты, перейдем к периоду нового подъема, связанного со становлением централизованного русского государства, объединяемого вокруг Москвы.

Здесь А.Л. Андреев опять не соглашается с устоявшимся клише, согласно которому Московская Русь выбрала для себя путь погружения в невежество и активное сопротивление всему передовому, все более уводящему Русь от европейской цивилизации и учености. Да, действительно, Русь настороженно принимала некоторые послы европейской учености, но это было противодействие ложной мудрости. И здесь автор удивительно уместно цитирует Максима Грека, которому особенно приписывали грех «мудроборства». М. Грек, сравнивая, например геометрию с математикой, утверждал, что если геометрия должна свободно изучаться и преподаваться, то математика подлежит запрещению как противоречащая учению святых отцов. Для нас сейчас это звучит как мракобесие. Но А.Л. Андреев, внимательно вчитавшись в текст М. Грека¹, обнаруживает, что речь у него «на самом деле идет не о математике в нашем смысле этого слова, а об астрологических изысканиях на тему обусловленности судеб людей движениями звезд и планет, которые в те времена претендовали на статус математической науки². Увлечение “ложным учением звездочетства”³, пышно расцветавшее в современной Московскому государству ренессансной Европе, коснулось и некоторых представителей московской элиты, что и вызвало резкую отповедь святогорского старца» (с. 34). И далее автор утверждает, что, таким образом, в лице М. Грека «православный мир демонстрирует не враждебность познанию как таковому, а лишь то, что можно, пожалуй, охарактеризовать как *метафизическую осторожность*» (там же).

Отметим еще раз: монография А.Л. Андреева содержит подробнейшее описание и глубочайший анализ развития и роли образования в истории Руси и России, начиная с Киевского периода и до конца эпохи Просвещения. Отсюда рецензия, в которой была бы прокомментирована вся монография, должна была бы быть ненамного меньшей, чем сама монография. Поэтому в дальнейшем я буду останавливаться в основном на тех рассуждениях автора, в которых он отходит от устоявшихся воззрений.

Интересными в этом смысле являются авторские взгляды на эпоху, называемую современниками «бунташным» веком (гл. 2). Это образное определение А.Л. Андреев относит не только к таким событиям, как Соляной и Медный бунты, крестьянская война под предводительством Стеньки Разина или Московское восстание 1682 г., но, «в не меньшей степени, и к социокультурным процессам, к духовно-психологическому состоянию общества» (с. 90). Во многом автор опирается здесь на новаторские работы советских исследователей русской культуры, отвергавших образ упрямой отсталости допетровской Руси. Так, например, он утверждает: «... предшествующие петровским преобразованиям десятилетия стали временем формирования новых человеческих типов, моделей поведения и кодов культуры, а самое главное — новых отношений к миру, основанных на собственном разумении и личном выборе» (с. 91). Таким же новаторским и необычным является авторский взгляд на российскую Смуту: «... российскую Смуту можно поставить в общий ряд европейских революций Нового времени. В этом отношении она,

пожалуй, ближе всего к одному из самых ранних вариантов такой революции – нидерландскому: та же национально-освободительная война, усиленная религиозным противостоянием, очень похожий политический результат – выборы нового правителя из числа аристократии, но по приговору «всей земли» и при определенном давлении народной стихии» (с. 94).

Не менее интересна трактовка автором петровских преобразований (глава 3): «Одни видят в фигуре Петра символическое воплощение неудержимого и дерзновенного духа Истории (“он весь как Божия гроза...”), другие – жестокого деспота, изменившего национальной традиции и нарушившего естественный ход народной жизни. (...) Как разрешить возникающее здесь противоречие? На наш взгляд, оба подхода в определенном смысле соответствуют действительности. И в то же время сами по себе они... оба неверны. Парадокс этот можно разрешить, лишь если рассматривать их в некотором более широком контексте ...» (с. 127 – 128). В этом контексте автор видит Смутное время как начало, а петровские преобразования – как завершающий акт первой в истории России революционной эпохи. Для автора петровские преобразования предстают в одном аспекте как эволюция, логичное продолжение тенденций развития культуры Смутного времени, а в другом – как разрыв, «причем не только по отношению к старомосковской традиции, но и по отношению к тем формам освоения иноземного опыта, которые сложились при Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. При этом, в отличие от более ранних ее стадий, революционный процесс охватывает уже не только социально-политические отношения, но и сферу культуры, начиная от государственной идеологии и кончая бытовым поведением» (с. 129). То, что Петр хотел создать просвещенную Россию, факт, конечно, известный любому школьнику. Но в контексте своей монографии автор очень точно обозначил социо-культурную идеологему петровской эпохи – «просвещение впервые приобретает черты *национального проекта*» (с. 132). Для нашей современности – насущно важная формулировка.

Если коротко охарактеризовать содержание 4-й, как и последующих глав монографии, то уместно будет привести хорошо сформулированный автором вывод: «С точки зрения исторической социологии, одним из итогов петровских преобразований, в полной мере сказавшихся уже при его преемниках, является принципиальная трансформация отношений между обществом и образованием. С этого исторического момента образование приобретает значение одного из факторов социальной дифференциации. Отныне социальное неравенство будет в значительной мере определяться противоположностью между образованностью, дающей основания для служебного продвижения, и необразованностью, обрекающей индивида на «низкие» виды занятий. В то же время образование уже в XVIII в. включается в число механизмов вертикальной социальной мобильности – не только в церкви или в узком кругу столичных дьяков (здесь оно ценилось и раньше), но и на гражданской службе, в армии,

промышленности. Причем со временем значение этого фактора будет все более возрастать» (с. 210 – 211).

В этих главах автор подробно описывает «образовательные траектории» детей дворян, духовенства, разночинцев – характеризуется домашнее образование, описываются и анализируются программы учебных заведений и кадетских корпусов. Интересно объясняет автор факт «русского чуда» XVIII столетия, когда для России понадобился неправдоподобно короткий срок для выращивания собственной продуктивной науки: «В России круг лиц, приближенных к монарху, был, пожалуй, менее закрытым, чем где-либо еще в Европе; он постоянно пополнялся за счет выходцев из среднего и низшего дворянства, а в некоторых (впрочем, исключительных) случаях и из непривилегированных слоев. Естественно, что выдвигаясь наверх, они приносили с собой взгляды и привычки той среды, в которой воспитывались и выросли, в том числе и укоренившееся к тому времени в достаточно широком социальном кругу сознание ценности рационально организованного и практически эффективного знания» (с. 229 – 230).

Подробнейшим образом автор описывает и анализирует истории создания и первые периоды деятельности Московского университета и Академии наук. Не ушло от его внимания продвижение российского образования на восток – за Урал и вплоть до Тихоокеанского побережья. Досконально исследована екатерининская эпоха в истории российского образования.

В заключение повторю то, о чем написал в самом начале своей рецензии – методологически монография А.Л. Андреева ценна, прежде всего, своим междисциплинарным комплексным подходом. Именно это позволило автору, может быть, даже впервые рассматривать развитие российского образования как формообразующий и системообразующий фактор социокультурного и даже политического развития российского государства и российского общества.

Книга, конечно, не лишена недостатков. Так, например, на мой взгляд, недооценена роль советов Г.В. Лейбница, данных Петру касательно системы образования в России. Дело в том, что когда Петр в 1711 г. находился в Карлсбаде (уже в статусе государя), Лейбниц был послан к нему как посланник от Вольфенбюттельского герцога. После исполнения всех дипломатических ритуалов Петр «обратил все свое внимание на сего по учености своей первостепенного тогда в Европе мужа; ежедневно беседовал с ним дружески о важнейших предметах государственных и убедил его сказанное на словах представить письменно»⁴. Эта «аналитическая записка» Лейбница содержала, в том числе, и его советы относительно модификации системы образования в России и формирования академической науки. (При прощании с Лейбницем Петр в знак уважения пожаловал его чином российского тайного советника с жалованием по 1000 ефимков на год.)

К недостаткам можно было бы отнести и то, что иногда текст загружен деталями. Но, с другой стороны, эти детали придают повествованию аромат тех эпох, и книгу читать по-прежнему интересно.

А закончить рецензию я хочу отрывком из последнего абзаца монографии: «В рассуждениях русских авторов по различным вопросам образования постоянно звучит мотив воспитания духовно развитой личности и достойного гражданина, причем функции по воспитанию такой личности отнюдь не ограничивались одними университетами. (...) Цель образования, в том числе и обучения специалиста, в России никогда не сводилась к подготовке носителя некоторого набора технических компетенций (включая социальные компетенции, необходимые для полноценного включения в определенные социальные среды). А попытки внедрить такой узкий подход, который нередко можно было встретить за рубежом, вызывали критику и сопротивление» (с. 408).

Сегодня слова эти звучат особенно актуально!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грек Максим. Слова и поучения. – СПб.: Академия Самопознания «Тропа Троянова», 2007. С. 186.

² Замечу от себя, что тогда – до «Начал» И. Ньютона – математики в нашем смысле этого слова вообще не существовало (*примеч. – И. А.*).

³ Грек Максим. Слова и поучения. С. 184.

⁴ Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы / сост. С.Р. Долгова. – М.: Моск. рабочий, 1992. – 256 с.